Межкультурные коммуникации: Русская Православная Церковь в Якутии (XVII–XIX вв.)

Инна И. Юрганова^a, @, ID

^a ФИЦ «Якутский научный центр СО РАН», Россия, г. Якутск

@ inna.yurganova@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-7751-8540>

Поступила в редакцию 20.02.2020. Принята к печати 23.03.2020.

Аннотация: Рассматривается проблематика межкультурной коммуникации в аспекте культурно-антропологического подхода с привлечением исторических и современных исследований на примере деятельности Русской Православной Церкви в процессе инкорпорации одной из отдаленных окраин империи – Якутской области – в российское государственное пространство. Предпринята попытка осмысления проблем межкультурной коммуникации в аспекте межцивилизационного взаимодействия православной (христианской) цивилизации и локальной арктической цивилизации народов северо-востока Азии, указана причина перманентности процесса христианизации в Якутии, отмечена роль миссионерства как метода освоения новых территорий и специфика приходской деятельности. Обращено внимание на совершенствование системы отношений с иноверческим населением с учетом полиэтничности российского общества, когда патриархальные устои бытования заменялись нормами государственного права, а представители неславянских элит встраивались в структуру государства. Отмечено, что территориальная окраинность обусловила приоритет Русской Православной Церкви в социально-просветительской деятельности, так как государственные учреждения данного профиля возникали позже и вслед за церковными. Обоснован вывод, что деятельность Русской Православной Церкви в Якутии явилась значимым звеном в создании системы межкультурных коммуникаций окраинной территории в XVII–XIX вв., обеспечивающей вовлечение якутского этноса в российское государственное пространство.

Ключевые слова: якутское общество, межцивилизационный диалог, национальные окраины, инокультурные информанты, инкорпоративная деятельность, духовенство Якутии

Для цитирования: Юрганова И. И. Межкультурные коммуникации: Русская Православная Церковь в Якутии (XVII–XIX вв.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 379–386. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-379-386>

Введение

История православия на востоке России является значимой составляющей социокультурной жизни российского государства, направленной на инкорпорацию азиатских территорий в административное, политическое и духовное единство империи. Границы России постоянно расширялись, включая новые территории и народы, различные по социально-экономическим и социокультурным параметрам, и после решения первостепенных военно-политических задач наступало время задач административного обустройства и последовательной интеграции региона. Существует мнение, что одной из особенностей государственного строительства России являлось преобладание административно-политических целей над экономическими, и именно территория, а не идея гражданства, привязывала человека к государству [1, с. 296]. Следует отметить, что в Российском государстве не проводилось единой, унифицированной этнической политики и не было создано органов для ее реализации. И политика, и идеология по отношению к нерусским народам, включенным в сферу деятельности

государственной власти и управления, формировалась исторически в процессе развития самой государственности.

Конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских инородцев была частью имперской политики, когда христианизация инородцев рассматривалась как элемент политики интеграции и важный социокультурный процесс. Распространение православия трактовалось как часть общегосударственной политики по обрусению нерусских народов, приравниванию их к основному крестьянскому населению, и для большинства крещенных сибирских инородцев следующей ступенью интеграции был переход к оседлости и занятию земледелием.

Цель исследования – осмысление проблем межкультурной коммуникации в аспекте межцивилизационного взаимодействия православной (христианской) цивилизации и локальной арктической цивилизации народов северо-востока Азии, а также рассмотрение деятельности представителей Русской Православной Церкви (РПЦ) как инокультурных информантов и продуктивности их коммуникативного поведения.

Основу методологии исследования составил цивилизационный подход как способ изучения исторической реальности, представляющий систему методологических установок, ориентирующих на ее интерпретацию в русле цивилизационных теорий, разработанных в различных областях социально-гуманитарного знания. В настоящее время разрабатываются многомерные методологические конструкты изучения локальных цивилизаций, выделяя их цивилизационную матрицу или доминантную форму интеграции, задавая базовые принципы социальных взаимодействий внутри локально-исторической общности, ее отношений с природной средой и окружающим миром, объединяя эту общность в единое целое. В данном аспекте представляется оправданным обращение к феноменологическому подходу, парадигма которого состоит в изучении истории, направленной на постижение иного миропонимания путем реконструкции самосознания как системы ценностно-значимых представлений, влияющих на поведение человека: проблему понимания «другого» как представителя иного жизненного мира.

В. В. Трепавлов описывает данный процесс как репрезентацию власти в контактах с неславянским населением государства [2, с. 6]. Под репрезентацией в данном контексте понимается коммуникативная модель культуры и ее практики – отражающие, понятийные и конструктивные. Э. Холл рассматривает пространственно-временные доминанты в разных культурах и дифференцирует их на основе коммуникаций [3]. Межкультурная коммуникация – термин, появившийся в отечественной гуманитарной науке в конце XX в. вслед за дефинициями *менталитет*, *диалог культур* и *межцивилизационный диалог*. В публикациях отечественных и зарубежных исследователей данный термин употребляется для обозначения научного направления в сфере гуманитарных наук и вместе с тем как непосредственный процесс общения между представителями разных культур. В работах И. А. Стернина был введен термин *коммуникативное поведение*, подразумевающий совокупность норм и традиций общения определенной группы людей [4].

Безусловным является обращение к принципу целостности и общенаучным методам универсальных познавательных процедур (логических и нелогических), используемых в изучении микроистории.

Миссионерство как метод освоения территорий

Одним из элементов деятельности РПЦ в Восточной Сибири стала миссионерская работа, представляющая интерес не только как распространение православия среди коренного населения, но и в аспекте цивилизационного влияния христианства в контексте исторического развития региона. Миссионерство являлось способом церковной проповеди, методом освоения новых территорий и коммуникационным межцивилизационным каналом.

Якутия избежала принудительной христианизации, характерной для второй половины XVI – начала XVII в., т. к. фискальные интересы государства диктовали необходимость мирных взаимоотношений с местным населением при условии вовлечения его в новый государственный порядок. Русская власть предъявляла инородцам как подданным государства требования по уплате налогов, во всех других отношениях она была гораздо «более милостива и внимательна» к местному населению, не вмешиваясь в веру и быт инородцев [5, с. 16].

Наряду с этим отдаленность от церковной администрации, неупорядоченность местной гражданской власти и произвол воевод приводили к конфликтам и бесконтрольности последних. За период 1641–1701 гг. в Якутском уезде «правило» 20 воевод, многие из которых оставили о себе недобрую память¹. Насилия и грабеж сибирских властей были грандиозны по своим размерам и их внешнему проявлению. Они приводили как к бегству «ясачных людей», так и к вооруженному сопротивлению. Так, в XVI–XVIII вв. волнения охватили остяков, самоедов, бурят, тунгусов, юкагиров, коряков и ительменов-камчадалов. В 1648 г. ленские буряты осадили Верхоленский острог и только распорядительность якутского воеводы Д. Францбекова, отправившего из Илимска отряд в составе 200 промышленников, привела к ликвидации восстания. Подобной же осаде со стороны индигирских ясачных тунгусов и юкагиров подвергся Зашиверский острожек в 1666–1667 гг. Длительная борьба с ясачным населением Анадырско-Камчатской окраины – юкагирами, коряками и ительменами, завершившаяся только во второй четверти XVIII в., была связана со злоупотреблениями местной русской власти. Интересно, что принимавший участие в восстании против русской государственности ительменский старшина Ф. Харчин во время празднества по поводу взятия ительменами Нижне-Камчатского острога приказал одному из крещенных камчадалов отслужить молебен [5, с. 44].

Вместе с тем власть неоднократно напоминала воеводам о необходимости миссионерско-просветительской деятельности, и должностные обязанности воеводы заключались в том числе и в искоренении раскола и заботе том, чтобы духовенство исполняло свои обязанности, а прихожане посещали храмы и «говели своевременно»². Исследователи отмечали, что «обращение в христианство язычников и магометан само собой являлось орудием практической политики правительства» [5, с. 18].

Уставы и указы эпохи Петра Великого под страхом наказания предписывали обязательное посещение храма и нормы поведения в церкви [6, с. 9]. В 1710 г. царь Петр Алексеевич в грамоте на имя сибирского митрополита Филофея (Лещинского) приказывает остяцких «прелестных богов огнем палить и рубить и капища их разорить, а вместо капищ часовни строить». И хотя в 1714 г. царским

¹ История Якутии и фонды ГАИО. Фонды Государственного архива Иркутской области о Якутии: справочник / сост. П. Л. Казарян. Якутск, 2006. С. 11.

² Дополнения к актам историческим, собранные и изданные археографической комиссией. Т. X. 1682–1700. СПб., 1867. № 78. С. 353.

указом тобольскому митрополиту было предписано уничтожать кумиров и кумирниц у вогуличей, остяков, татар и якутов и крестить их в христианскую веру, уже в 1719 г. появляется указ Сената о запрете насильственного крещения инородцев, что в дальнейшем стало государственной политикой в вопросах христианизации.

Архиепископу сибирскому надлежало «быть защитником и печальником» инородческого населения перед законом и властью, он имел право принимать под свое покровительство даже и совершивших уголовные преступления, если они объявляли о своем желании креститься. В последующем государственной властью был разработан целый ряд льгот, в том числе и материальных, для привлечения местного населения к православию, о которых неопиты оповещались заранее³.

В Якутии православные миссионеры не встретили организованного сопротивления. Политеизм местного язычества проявился в лояльности к появлению «новых богов», и уровень развития якутского общества накануне крещения был адекватен для постепенного перехода к христианскому монотеизму [7, с. 53]. Первоначально функции миссионеров возлагались на все духовенство епархий, имевших в своем составе инославное население.

Появление новой религии и ее первых представителей привносили изменения в устоявшееся видение мира. Православные миссионеры прибывали к язычникам с необычными предложениями уверовать в единого бога, не требуя взамен ни мехов, ни рыбы, не забирая в рабство, а предлагая мир и равенство [8, с. 28]. До прихода в край русских необходимым элементом общества, объясняющим его жизненные процессы, являлись шаманы – представители языческого миропонимания коренных народов, жизненный цикл которых был неразрывно связан с природой. Локальность цивилизации, ее неизменность и законченность нуждались в содружестве с силами природы, поклонении им и зависимости от них человека. Политеизм якутского этноса передавался от поколения к поколению, и появление христианской религии, утверждавшей иные принципы жизненного уклада, первоначально не внесло значительных изменений в жизнь населения. Вместе с тем появление «чужих» на землях предков, иной наружности, говоривших на ином языке и возносивших молитвы непонятному богу, вносило дисгармонию в устойчивое мироощущение якутского общества, и первые крещенные якуты проживали в большинстве в Якутском остроге и его окрестностях, имея возможности постоянного вербального контакта с пришлым русским населением. Переход язычников в православную веру обеспечивал сближение с русскими, пополнение рядов служилых людей, ознакомление с русской культурой и ментальностью. Действенными рычагами для принятия крещения явились льготы по уплате ясака и применяемая в 1720–1760 гг. система одаривания неопитов.

Со второй половины XVIII в. церковь, используя рычаги государственной власти, переходит к массовой христианизации народов северо-востока. По сведениям VII ревизии в 1815 г. из 76918 ясакоплательщиков-якутов только 485 (0,6 %) сохраняли приверженность язычеству. Очевидно, что большинство населения Якутского края было уже окрещено, но и тогда, и веком позже имел место синкретизм, когда усвоение религии было поверхностным, без знания необходимых норм и канонов.

Основной причиной перманентного процесса христианизации Ленского края являлась патерналистская политика государства, направленная на регулярное обеспечение сбора ясака. Г. Ф. Быконя указывает, что центральная власть непосредственно помогала РПЦ в деле христианизации, более заинтересованная в ясаке, чем в земледелии новоокрещенных [9, с. 26]. В целом по Восточной Сибири процесс христианизации проходил с переменным успехом. В Прибайкалье к концу XVIII в. принявшие православие представители местного населения составляли не более 15 %, в Забайкалье значимым препятствием на пути миссионеров стал буддизм. Но если в Прибайкалье и Забайкалье русские крестьяне интегрировали местное население в российскую цивилизацию, то в Якутии малочисленность русского крестьянства на значительных пространствах и его территориальная разбросанность зачастую приводили к противоположному результату.

Свой – чужой, особенности межцивилизационного диалога

Культура этноса, безусловно, включает внегенетические программы, личность усваивает регулятивы (правила или требования, в соответствии с которыми люди строят свое поведение и деятельность), принятые обществом, и в быденном сознании коллектива складываются и утверждаются культурные нормы. Затем в практике массового взаимного общения устанавливаются нормы нравственности, а моральные нормы воспитываются силой привычки, общественного мнения и оценок близких людей [10; 11].

Сформировавшаяся у северных народов культура локальной цивилизации была органично встроена в суровые климатические условия и являлась примером гармоничных форм отношений *человек – природа*. К середине XVII в. социокультурная общность якутского этноса имела относительно устойчивые пространственные границы и специфические формы экономической, социально-политической и духовной жизни, в том числе культурно-психологическую систему как область норм и ценностей, обеспечивающих взаимодействие людей [12]. Социально- и коммуникативно-значимое бытовое поведение якутского этноса отражало совокупность предметно-бытовых действий, получающих в данном обществе и в данной лингвокультурной общности смысловую интерпретацию и составляющих общий коммуникативный процесс, определяющий поведение и общение людей [13, с. 123].

³ Российский государственный архив древних актов. Ф. 248. Оп. 14. Д. 796. Л. 938 об.

Кочевой и полукочевой образ жизни большей части населения Якутии способствовал тому, что первые столетия пребывания в составе России сибирские народы непосредственно сталкивались с русской государственной властью только по вопросам, связанным с уплатой ясака и судебных дел, тогда как все остальные жизненные коллизии оставались в сфере действия обычного права.

С распространением православия на территории Якутии начинается строительство храмов для пришлого христианского населения, а затем и для новоокрещенных инородцев. Величественные здания церквей, лики святых и позолота окладов, торжество службы и священническое облачение вызывали у северных жителей восхищение и удивление. Постепенно совокупность вербальных и невербальных православных ритуалов становится одним из средств коммуникации с местным населением, которое после крещения получало доступ к христианским обрядам и, преодолев имагологический барьер, возможность быть вовлеченными (по обязательствам и в последующем – привычке) в упорядоченное сосуществование с российским социумом.

Центром духовной жизни края стал основанный в 1663 г. Якутский Спасский мужской монастырь. В связи с малочисленностью крестьянских поселений и их рассредоточенностью монастырь стал крупным хозяйствующим субъектом, имеющим многопрофильную направленность (земледелие, солеварение, огородничество). К началу XIX в. в Якутском уезде функционировало 19 храмов, и по мере их строительства формировались православные приходы. Природные и климатические условия обусловили специфику приходской жизни Якутии, когда священникам приходилось совершать долговременные поездки по территории прихода, отлучаясь от храмовых служб на несколько месяцев, и подобные условия служения требовали особой пастырской практики. Зачастую восприятие веры было связано с личностью духовного пастыря и его моральными качествами. Регулярно совершающие объезды территорий проживания и кочевий своей паствы миссионеры и приходское духовенство выступали в статусе инокультурных информантов, вносивших изменения в национальное коммуникативное поведение. Священнослужители, как правило, были единственными грамотными среди инородческого населения, и сфера их деятельности была значительно шире служебных обязанностей. По просьбе прихожан священник составлял письма и прошения, врачевал, разбирал мелкие обиды и ссоры и т.д. Так, дьячком отдаленной Нижне-Колымской церкви в 1809 г. был направлен рапорт в Иркутскую духовную консисторию с просьбой о «высылке книг», что подтверждает тезис о межкультурных коммуникациях, осуществляемых представителями духовного сословия Якутии.

В истории Якутии присутствуют примеры сотрудничества якутской родоплеменной знати и православного духовенства, когда родоначальники добровольно брали на себя

обязанности по контролю за соблюдением христианских обязанностей членами своих родов. Полиэтничность российского общества коррелировалась совершенствованием системы отношений с иноверческим населением, когда патриархальные устои бытования заменялись нормами государственного права, а представители неславянских элит встраивались в структуру государства. Власть, за редким исключением, поддерживала высокий статус этнических элитных контрагентов [2, с. 255]. Заметим, что в ментальности окраинных народов образ русского императора и в целом Российского государства формировался как образ православного царя православной державы, и РПЦ выстраивала и укрепляла этот образ.

Исторические источники свидетельствуют о взаимодействии местных родовых управлений и православных священников, коррелировавших дихотомичность якутского общества, и содержат расписки родовых старшин и старейшин с обязательствами привлекать «родовичей» к участию в исповеди и причастии, исполнению обрядов крещения, возлагая на себя ответственность за благочестие земляков и обязательства по пресечению язычества. В начале XIX в. священник Амгинской слободы отмечал: «Как в Рождество Христово, Николин день и Покров и в Троицын день относительно образованные в нравственном состоянии якуты и крестьяне, приходят в храм ... находим ... с каждым годом улучшается [*отношение к*] христианству. Молитв якуты не знают, грамотных во всем приходе не более 10-ти человек, знающих русский язык почти совсем нет»⁴.

Заметим, что в этот период в якутском обществе уже присутствуют признаки имперского коммуникативного поведения. В 1824 г. в высшей церковной инстанции Российской империи Святейшем Синоде рассматривалась жалоба князьцов заречных улусов Якутской области по обвинению священнослужителей в ненадлежащем исполнении своих обязанностей: «просят разобраться, так как мы иноверцы заблуждены и не знаем все узаконения»⁵. Данный факт можно соотнести с признанием православной ментальности, когда деятельность священнослужителей уже признается компонентом повседневности.

Прерогативой церкви являлась социально-просветительская деятельность, отдельные направления работы которой в Якутском крае рассмотрены в некоторых работах [14–18]. В традиционном христианстве пастырская служба предусматривала оказание помощи нуждающимся, и очевидно, что церковная филантропия содержала элементы коммуникативности. Окраинность Якутии обусловила приоритет РПЦ в социально-просветительской деятельности, когда государственные учреждения данного профиля возникали позже и вслед за церковными.

Первые школы и библиотеки Якутии были церковными, и, помимо духовной и богослужебной литературы, в церковно-приходских библиотеках имелись издания по медицине, земледелию, огородничеству и пр. Развитие

⁴ Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. 238-н. Оп. 1. Д. 14. Л. 52. 1806 г.

⁵ НА РС (Я). Ф. 225-н. Оп. 1. Д. 28. Л. 1. 1824 г.

библиотечной сети способствовало привлечению местного населения к книге и в последующем к мировой литературе. Первым периодическим печатным изданием стала газета «Якутские епархиальные ведомости», на страницах которой, помимо сведений, связанных с деятельностью православного ведомства империи, публиковались очерки по истории и этнографии, советы по медицине и сельскому хозяйству, перечни литературы и др. [19].

Повышение уровня грамотности населения области связано, прежде всего, с деятельностью духовных учебных заведений, особенностью которых была всесословность и универсальность предлагаемых знаний. Система духовного образования обеспечивала все необходимые уровни: от начальных школ, где преподавали азы грамотности, до среднего профессионального образования в стенах духовной семинарии. Межкультурные коммуникации способствовали формированию национальной интеллигенции, получавшей знания в учебных заведениях духовного ведомства.

Жизненные ритуалы – элемент межкультурной коммуникации

К очевидным признакам межкультурной коммуникации относятся в том числе изменения, происходящие в основных жизненных ритуалах личности (рождение, свадьба, смерть) [20]. В Российской империи запись актов гражданского состояния осуществлялась конфессионально в рамках совершения религиозных обрядов. Основой брачного права была православная этика, и именно священнослужитель был законным свершителем брака. В ведении РПЦ находились регистрация рождения, бракосочетания и смерти православного населения, и после включения церковных учреждений в систему государственных органов все православное население было приписано к церковным приходам по месту проживания. Записи по факту вносились в метрические книги (метрики), где регламентировалось раздельное ведение записей фиксации рождений, браков и смертей по конфессиональному признаку⁶.

В дореволюционном отечественном правоведении метрические книги квалифицировались как общие несловесные акты состояний⁷. Наряду с ними имели место и словесные акты состояний – дворянские родовые книги, общий гербовник дворянских родов, городовые обывательские книги, клировые ведомости, монастырские записные книги, ревизские сказки, посемейные списки и акты служебного состояния – послужные или формулярные списки.

До конца XIX в. в Якутской области, наряду с православным обрядом венчания, имели место традиционные формы брака (брак по сватовству, брак с отработкой калыма, брак с похищением невесты) [21, с. 68]. В основе заключения традиционного якутского брака находился экономический интерес. Исследователи отмечали, что «у якутов нельзя искать однообразных правил брака и одинаковых

юридических последствий брака ... В тех местах Якутского, Вилюйского и Олекминского округов, которые находятся под постоянным влиянием русской жизни, нельзя уже встретить обычаев прямо несогласных с духом православной церкви; например, о шаманах и их участии в свадебных церемониях теперь и нет помину» [22, с. 49–57].

Одним из средств коммуникации являлось церковное судопроизводство, обеспечивающее законодательное тождество на всей территории Российской империи. К концу XIX в. православное население Якутии было осведомлено о своих правах, и в большинстве случаев конфликтные ситуации регулировались путем обращения к гражданским или духовным властям при взаимодействии последних. Семейное право якутов постепенно начинает уступать христианской православной морали, проводником которой являлся епархиальный суд, и население Якутии воспринимало нормы и обычаи православия как через христианские обряды, так и через духовный суд, предоставлявший возможность официального расторжения брака [23, с. 153].

Заключение

Одной из составляющих межкультурной компетентности как комплекса социальных навыков и способностей, при помощи которых личность осуществляет общение с партнерами из других культур в бытовом и профессиональном контексте, является способность к адаптации культур. Межкультурное взаимодействие обусловлено соотношением нормативно-ценностных систем конкретных контактирующих культур, находящихся в состоянии постоянного развития. Включенная в середине XVII в. в состав русской государственности обширная территория Якутского края находилась на значительном удалении от центра, что при неупорядоченности транспортной схемы и отсутствии постоянной связи представляло трудности в процессе интеграции проживающих здесь народов в российское пространство. Особенности Якутии составляли суровые климатические условия, значительность территории и ментальность ее населения, органично встроенного в арктические условия проживания.

Окраинная специфика Якутии обусловила особую межкультурную составляющую деятельности РПЦ, пришедшей в край вслед за христианским населением. Одним из аспектов коммуникации стала миссионерская работа, проводимая в контексте государственных интересов, развивавшая межкультурный диалог и обеспечивавшая вовлечение местного населения в систему христианских ценностей. Возведение православных церквей, создание приходов способствовали привлечению населения к христианской культуре. Кочевой и полукочевой образ жизни большинства населения обуславливал иное значение храмов, когда помимо своих культовых функций они являлись коммуникационными центрами, при посещении которых население

⁶ Метрические книги. История. Делопроизводство. Источники комплектования: метод. пособие. Тула, 1999. С. 11.

⁷ Свод Законов Российской Империи. Законы о состояниях. Т. IX. СПб., 1911. С. 1833–1836, 1899–1906, 1960.

узнавало о войнах, смене императоров и других российских и мировых событиях. В церковных школах инородцы получали основы грамоты, церковные библиотеки давали возможность ознакомиться с основами земледелия, медицины, ремесел, способствуя формированию первой якутской интеллигенции, интегрированной в российскую ментальность.

Диалог с родовой знатью обеспечивал упрочение коммуникативных связей и привнесение в якутское общество

православных традиций и обрядов, а введение норм церковного суда обеспечивало вовлечение в единую общегосударственную систему судопроизводства.

Представляется очевидным, что деятельность РПЦ в Якутии являлась значимой и основополагающей в создании системы межкультурных коммуникаций окраинной территории в XVII–XIX вв., обеспечивающей вовлечение якутского этноса в российское государственное пространство.

Литература

1. Дамешек Л. М. Избранное. Т. 1: Сибирские «инородцы» в имперской стратегии власти (XVIII – начало XX в.). Иркутск: Оттиск, 2018. 456 с.
2. Трепапов В. В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. СПб: Изд-во Олега Абышко, 2018. 320 с.
3. Hall E. T. *Beyond Culture*. Garden City. N. Y.-London-Toronto: Anchor Books; Doubleday, 1976. 320 p.
4. Стернин И. А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение / науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: ВГТУ, 2000. Вып. 1. С. 4–20.
5. Огородников В. И. Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. 45 с. (Отд. оттиск из Сборника трудов проф. и препод. Гос. Иркутск. ун-та. Иркутск, 1920. Вып. 1. С. 69–113.)
6. Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. М.: Университетская типография, 1902. 582 с.
7. Николаев А. П. Православная церковь и шаманы в Якутии (XVIII–XIX вв.) // На службе Богу и якутскому народу: мат-лы православных конф., проходивших в Якутске: «Митрополит Московский и Коломенский Иннокентий (Вениаминов)» в 1997., «Христианство в судьбах народов Якутии» в 2000 г., «На службе Богу и якутскому народу» в 2005 г. Якутск: Якутский благовестник, 2006. С. 53–55.
8. Трепапов В. В. «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. СПб: Изд-во Олега Абышко, 2017. 320 с.
9. Быконя Г. Ф. Особенности и результаты крещения ясачного населения Восточной Сибири в XVIII в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2015. Т. 13. С. 25–30.
10. Куликова Л. В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. На материале русской и немецкой лингвокультур. Красноярск: РИО КГПУ, 2004. 196 с.
11. Hinnenkamp V. *Interkulturelle Kommunikation*. Heidelberg: Groos, 1994. 356 s.
12. Асочакова В. Н. К истории православия в Хакасии (XVIII–XIX вв.). Абакан: Бригантина, 2018. 196 с.
13. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура речи. М.: ИКАР, 2005. 250 с.
14. Никандр (Горбатюк), иеромонах. Организация в Якутии святителем Иннокентием (Вениаминовым) катехизических поучений для детей // Святитель Иннокентий (Вениаминов) в судьбах Якутии: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посв. 145-летию учреждения Якутской епархии. (Якутск, 23 марта 2015 г.) Якутск: Издательский центр Якутской и Ленской епархии, 2015. С. 138–143.
15. Захарова Т. В. Епископ Якутский и Вилюйский Иаков о библиотеках и книгах // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2017. № 4. С. 61–65.
16. Мусалимас С. Э. Православие – неотъемлемая часть культуры народа саха // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2018. № 5. С. 12–14.
17. Корнильцев А. Н. Первые попытки открытия церковно-приходских школ в Якутском крае в 1860–1884 гг. // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. 2019. № 6. С. 168–172.
18. Boyakova S. I., Yurganova I. I. *Parochial Schools in Yakutia's Intellectual Landscape (the second half of 19th – early 20th century)* // Вестник РУДН. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 904–921. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2019-18-4-904-921>
19. Якимов О. Д. Печать национальных окраин Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 2000. 120 с.
20. Прохоров Ю. С., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта; Наука, 2006. 238 с.
21. Борисов А. А. Якутское общество и обычное право в XVII – начале XX в. М.: Университет, 2002. 160 с.
22. Павлинов Д. М. Брачное право у якутов // Павлинов Д. М., Виташевский Н. А., Левенталь Л. Г. Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л.: Изд-во АН СССР, 1929. С. 47–62.
23. Юрганова И. И. Духовное судопроизводство в Якутской епархии во второй половине XIX – начале XX вв. как фактор межцивилизационного взаимодействия // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 39. С. 146–154.

Intercultural Communication: Russian Orthodox Church in Yakutia (XVII–XIX Centuries)

Inna I. Yurganova^{a, @, ID}

^a Yakut Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russia, Yakutsk

@ inna.yurganova@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0002-7751-8540>

Received 20.02.2020. Accepted 23.03.2020.

Abstract: The research featured the issue of intercultural communication in the aspect of cultural and anthropological approach. The article introduces the case of the Russian Orthodox Church as it incorporated one of the remote outskirts of the Empire – the Yakut region in Russia. The research was an attempt to understand the problems of intercultural communication during the intercivilizational interaction between the Orthodox (Christian) civilization and the local Arctic civilization of the peoples of North-East Asia. The author explained the permanent process of Christianization in Yakutia, as well as described the role of missionary work as a method of developing new territories and the specifics of parish activity. The relations with the non-Orthodox population improved when the state law replaced the traditional Patriarchal foundations, and representatives of non-Slavic elites entered the structure. The Orthodox Church conducted various social and educational activities, since it took secular social and educational state institutions a long time to reach this remote region. In the XVII–XIX centuries, the activity of the Russian Orthodox Church in Yakutia contributed to the intercultural communications with this marginal territory and ensured the involvement of the Yakut ethnic group in the Russian state space.

Keywords: Yakut society, intercivilizational dialogue, national suburbs, foreign cultural informants, incorporation activities, the clergy of Yakutia

For citation: Yurganova I. I. Intercultural Communication: Russian Orthodox Church in Yakutia (XVII–XIX Centuries). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 379–386. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-379-386>

References

1. Dameshek L. M. *Favorites. Vol. 1: Siberian "aliens" in the Imperial strategy of power (XVIII – early XX century)*. Irkutsk: Ottisk, 2018, 456. (In Russ.)
2. Trepavlov V. V. *Symbols and rituals in the ethnic politics of Russia in the XVI–XIX centuries*. St. Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko, 2018, 320. (In Russ.)
3. Hall E. T. *Beyond Culture*. Garden City. N. Y.-London-Toronto: Anchor Books; Doubleday, 1976, 320.
4. Sternin I. A. The concept of communicative behavior and its research problems. *Russian and Finnish communicative behavior*, ed. Sternin I. A. Voronezh: VGTU, 2000, iss. 1, 4–20. (In Russ.)
5. Ogorodnikov V. I. *Russian state power and Siberian foreigners in the XVI–XVIII centuries*, 45. (Separate print from the Proceedings of the professor and teacher of State Irkutsk University. Irkutsk, 1920, iss. 1, 69–113.) (In Russ.)
6. Bogoslovsky M. M. *Regional reform of Peter the Great. Province 1719–27*. Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1902, 582. (In Russ.)
7. Nikolaev A. P. Orthodox Church and shamanism in Yakutia (XVIII–XIX centuries). *In the service of God and the Yakut people*: Proc. Orthodox Conferences held in Yakutsk: "Metropolitan Innokentiy (Veniaminov) of Moscow and Kolomna" in 1997, "Christianity in the Fates of the Nations of Yakutia" in 2000, "In the Service of God and Yakut people" in 2005. Yakutsk: Iakutskii blagovestnik, 2006, 53–55. (In Russ.)
8. Trepavlov V. V. "White tsar". *The image of the monarch and the idea of citizenship among the peoples of Russia of the XV–XVIII centuries*. St. Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko, 2017, 320. (In Russ.)
9. Bykonya G. F. Peculiarities and results of Christianization of indigenous people of Eastern Siberia in the XVIII Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2015, 13: 25–30. (In Russ.)
10. Kulikova L. V. *Intercultural communication: theoretical and applied aspects. Based on the material of Russian and German linguaculture*. Krasnoyarsk: RIO KGPU, 2004, 196. (In Russ.)
11. Hinnenkamp V. *Interkulturelle Kommunikation*. Heidelberg: Groos, 1994, 356.
12. Asochakova V. N. *To the history of Orthodoxy in Khakassia (XVII–XIX centuries)*. Abakan: Brigantina, 2018, 196. (In Russ.)
13. Formanovskaya N. I. *Speech etiquette and speech culture*. Moscow: IKAR, 2005, 250. (In Russ.)

14. Nikandr (Gorbatyuk), hieromonk. Organization of catechetical teachings for children in Yakutia by Saint innocent (Veniaminov). *St. Innocent (Veniaminov) in the fate of Yakutia*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., dedicated to the 145th anniversary of the establishment of the Yakut diocese, Yakutsk, March 23, 2015. Yakutsk: Izdatelskii tsentr Iakutskoi i Lenskoi eparkhii, 2015, 138–143. (In Russ.)
15. Zakharova T. V. Bishop Jacob of Yakut and Vilyuisk about libraries and books. *Sbornik trudov Iakutskoi dukhovnoi seminarii*, 2017, (4): 61–65. (In Russ.)
16. Mousalimas S. A. Orthodoxy is an integral part of the culture of the Sakha people. *Sbornik trudov Iakutskoi dukhovnoi seminarii*, 2018, (5): 12–14. (In Russ.)
17. Korniltsev A. N. The first attempts to open parish schools in the Yakut region in 1860–1884. *Sbornik trudov Iakutskoi dukhovnoi seminarii*, 2019, (6): 168–172. (In Russ.)
18. Boyakova S. I., Yurganova I. I. Parochial Schools in Yakutia's Intellectual Landscape (the second half of 19th – early 20th century). *RUDN Journal of Russian History*, 2019, 18(4): 904–921. DOI: 10.22363/2312-8674-2019-18-4-904-921
19. Yakimov O. D. *Seal of the national outskirts of Siberia and the Far East*. Novosibirsk: Nauka, 2000, 120. (In Russ.)
20. Prokhorov Yu. S., Sternin I. A. *Russian: communicative behavior*. Moscow: Flinta; Nauka, 2006, 238. (In Russ.)
21. Borisov A. A. *Yakut society and customary law in the XVII – early XX centuries*. Moscow: Universitet, 2002, 160. (In Russ.)
22. Pavlinov D. M. The Yakut marriage law. Pavlinov D. M., Vitashevsky N. A., Levental L. G. *Materials on customary law and public life of the Yakuts*. Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1929, 47–62. (In Russ.)
23. Yurganova I. I. The spiritual proceedings in the Yakutsk diocese in the second half of the XIX – early XX centuries, as a factor of inter-civilizational interaction. *Bylye gody*, 2016, (39): 146–154. (In Russ.)